

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA  
 Bylye Gody  
 Issued since 2006.  
 E-ISSN: 2310-0028  
 2026. 21(2): 955-965  
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.955

Journal homepage:  
<https://bg.cherkasgu.press>



## Regulation of the Administration of the Indigenous Population of the Transcaspian Region of the Russian Empire

Ilya I. Aminov <sup>a, \*</sup>

<sup>a</sup>Moscow Polytechnic University, Russian Federation

### Abstract

The article analyzes the role and significance of the organizational measures taken by the Russian administration to ensure order among the indigenous population of the youngest of the Central Asian regions, the Transcaspian Region of the Russian Empire. Since during the period under review (1882–1917), crimes against the order of government were most often defined as disobedience to the Transcaspian administration and crimes against justice, the author provides numerous pieces of evidence that the concentration of administrative and judicial powers in the hands of regional, county, and bailiff officials was generally in line with the Turkmen mentality, facilitating their adaptation to the new legal realities and minimizing such violations. At the same time, along with changes in the rules of the people's judicial procedure of all instances (codification of folk customs in the form of collections of decisions and processes of Extraordinary congresses of people's Judges, written recording of sentences and decisions, keeping records of protocols of cases considered at each court), there were other innovations: criminal liability was established for false swearing, perjury, slander, non-fulfillment of judicial decisions and other crimes against justice; the administration of the region gradually introduced a selective attitude towards certain norms of customary law (adat) into the legal consciousness of people's judges due to their inhumanity and injustice; penalties were modified, instead of "blood feud", "revenge", self-punishment and other adat rules prohibited by the imperial government, arrest was applied, imprisonment, fine, expulsion, exile, which contributed to a change in the Turkmen view of crime as a socially dangerous act and punishment; the previous principles of collective responsibility and collective protection were losing their significance, and the principle of individual responsibility for committed crimes, including those against the order of government, was being introduced.

**Keywords:** Russian Empire, Transcaspian region, regional Russian administration, local administration, indigenous population, people's court, administrative procedure, crimes against justice.

### 1. Введение

До вхождения Закаспийской области в состав Российской империи<sup>1</sup> в национальном (обычном) праве туркмен понятие «порядок управления» было недостаточно развитым. Объяснение этому было вызвано условиями жизни, господствовавшими в туркменском обществе, пережитками родового строя, многочисленными противоправными действиями, в которых переплетались правонарушения как против личности, так и против собственности. Более того, в условиях родоплеменной раздробленности и, как следствие, ввиду отсутствия всетуркменской государственности, высшие патриархальные слои туркменского общества были не в состоянии установить обязательные для всех (общепризнанные) нормы, предусматривающие ответственность за те или иные действия против

\* Corresponding author

E-mail addresses: [aminovii@mail.ru](mailto:aminovii@mail.ru) (I.I. Aminov)

<sup>1</sup> В составе Российской империи Закаспийская область была образована в 1881 г. после победоносных военных походов генерала М.Д. Скобелева на земли туркмен. До 1890 г. область входила в состав Кавказского наместничества, с 1890 по 1897 гг. непосредственно подчинялась Военному министерству. В 1899 г. эта область была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

системы управления. Несмотря на то, что обычные (адатные) нормы складывались на протяжении столетий, у туркмен не регламентировалась ответственность за ряд деяний, квалифицируемых в имперском законодательстве как правонарушения: злоупотребление властными полномочиями, коррупционные действия (взяточничество) и мошенничество, растрата чужого имущества, вынесение неправосудных решений, принуждение свидетелей к даче ложных показаний либо к отказу от ранее данных показаний, воспрепятствование явке в суд и другие.

До присоединения Закаспия к России не сложилась и строго определённая практика наказаний за указанные преступления. Ответственность за тяжкие преступления в обычном праве туркмен ограничивалась сохранением таких древнейших обычаев, как месть, выражавшаяся в праве потерпевшего и его родственников на самоуправные действия в ответ на обиду, несправедливость или ущерб, нанесённые ранее виновным, т.е. самосуд над ним. Подобные действия поощрялись, нередко осуществлялись всем родом потерпевшей стороны, считались нормой и даже благородным делом.

В практике наказаний сохранились сведения за такие действия, как неповиновение власти родоплеменных ханов (вождей), старшин аулов, неисполнение решений совета племени, рода, схода общины. Мера наказания при этом практически в каждом случае зависела не только от позиции властей, но и статусного, материального положения виновного. Наказание определялось не только каждым племенем по-разному, но и внутри одного и того же племени и рода имелись отличительные признаки, которые не подвергались оспариванию.

Согласно сообщениям дореволюционных и советских историков, виновники неповиновения власти родоплеменных ханов, старшин аулов подвергались телесным наказаниям, заключению в зинданы, и даже изгнанию из общества, что в патриархальном туркменском обществе считалось высшей мерой наказания. В качестве наказания могла быть избрана и такая мера, как лишение виновного права пользоваться поливной водой, отсутствие которой в засушливых условиях края влекло за собой полуголодное существование.

Углубление в проблему позволило сделать предварительный вывод о благотворном влиянии законодательства Российской империи и организационно-правовых мер, предпринятых администрацией края, на регламентацию порядка управления среди коренного населения после присоединения к Российской империи Закаспийской области. Под общим руководством военного ведомства российские власти задали импульс прогрессивному развитию систем управления, самоуправления, судопроизводства и т.д., что расходится с позицией некоторых постсоветских ([Национальные истории..., 1999](#)) и зарубежных ([Banuaziz, Weiner, 1994; Kazemzadeh, 2004](#)) авторов на политику России в Центральной Азии, как использовавшую преимущественно репрессивные меры управления, жёсткое ограничение прав и свобод коренного населения этой окраины, в том числе и в Закаспийской области.

## 2. Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили документы Центрального государственного архива Туркменистана (ЦГАТ, Ашхабад, Туркменистан), в первую очередь, фонда № 1 «Канцелярия начальника Закаспийской области». Благодаря этому фонду, в аналитический оборот были вовлечены: распорядительные акты закаспийской администрации (приказы, циркуляры); отчётная документация военных и гражданских должностных лиц; материалы, отражающие реализацию управленческих и судебных функций на локальном уровне.

При рассмотрении организационно-правовой и управленческой деятельности канцелярии начальника Закаспийской области большое внимание уделялось: Обзорам Закаспийской области (ОЗО) (главам «Население», «Нравственность. Число и виды преступлений», «Судная часть»), их уникальным материалам относительно некоторых статистических данных, свидетельствующих о стремлении минимизировать нарушения порядка управления в крае; Сборникам решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области, подтвердивших эволюцию обычаев и традиций туркменского народа относительно противодействия преступлениям против правосудия; третьему собранию «Полного собрания законов Российской империи» (ПСЗРИ-3), констатирующему факты влияния развитых российских государственных структур и институтов на становление национальной государственности туркмен, формирование на основе российской модели национальной судебно-правовой системы.

Исследование опиралось на междисциплинарный синтез, включающий: философские принципы научного познания; методологический инструментарий исторической науки; методы системного анализа и компаративистики применительно к политико-правовым феноменам.

В рамках принципа научной объективности и историзма применялся комплекс методов: нарративный анализ – для систематизации и интерпретации данных о функционировании системы военно-народного управления, структуре административного аппарата, механизмах взаимодействия уровней власти (уезд, приставство, волость, аул) в конце XIX – начале XX в.; сравнительно-исторический метод – для сопоставления традиционного правового уклада и судебных институтов туркмен до и после включения этого региона в состав Российской империи; структурный анализ – для изучения многоуровневой организации регионального управления, контрольно-надзорных функций областных и уездно-приставских инстанций; этнопсихологический подход – для выявления особенностей правового сознания и религиозных установок туркменского населения, влияющих на

интеграцию в имперскую административную систему.

### 3. Обсуждение

Вопрос регламентации управления в Закаспийской области до настоящего времени не получил комплексного осмысления в отечественной историографии. Отдельные аспекты затрагивались в работах, основанных на анализе официальных отчётов и записок, мемуаров политиков, чиновников, офицеров, материалов военных, научных и дипломатических экспедиций. В одних исследованиях (Галузо, 1929; Шарова, 1940; Волков, 2014) были выделены ключевые черты модели военно-народного управления: синтез гражданской и военной власти; адаптивность к локальным условиям; сочетание общеимперских норм и цивилизационной специфики края; задействование потенциала институциональной эволюции. В других (Гирс, 1886; Михайлов, 1900; Пален, 1909; Караш хан оглы, 1914) анализировались попытки систематизации и анализа норм обычного права туркмен, обоснование необходимости адаптации российских правовых норм к местным обычаям, создания для коренного и пришлого населения доступной судебной системы. В некоторых трудах были рассмотрены причины осторожного отношения имперской администрации к местным органам управления, обусловленные стремлением минимизировать трансформацию устоявшихся практик при внедрении российских правовых норм (Глущенко, 2010), сохранить традиционные туркменские обычаи и институты, усилить выработку специфических региональных управленческих предписаний, применение которых позволило бы Закаспийской области адаптироваться и со временем стать частью единого государственного пространства Российской империи<sup>1</sup> (Маслов, 1887; Пален, 1910). При этом эти и другие авторы (Марков, 2010; Белоглазов, 2011; Котюкова, 2016) едины во мнении, что значительное влияние на административно-территориальное и правовое строительство в крае оказало, прежде всего, Военное министерство и его хорошо подготовленные сотрудники.

Анализ упомянутых источников помог составить объективное представление о том или ином организационно-управленческом и правовом явлении, прийти к конкретным выводам в контексте взаимодействия, взаимовлияния и взаиморазвития российского и туркменского народов, выявить допущенные ранее искажения исторической действительности.

### 4. Результаты

После вхождения Закаспия в состав России вопросы наказания тех, кто не повиновался официальной власти, стали решаться органами царской администрации и «народными судами». Так, начальник области, имевший право избирать, утверждать и отстранять лиц народного управления за непослушание, мог арестовывать их сроком до трёх месяцев или высылать за пределы уезда на тот же срок (ПСЗРИ-3. Т. 10 (1890). Ч. 1. СПб., 1893. № 6576. (Ст. 7): 72). Кроме того, начальник области в порядке управления мог отменять приговоры народных судов по уголовным делам всех инстанций.

При канцелярии начальника области действовала Комиссия по судной части<sup>2</sup>. Она осуществляла надзор за правильностью народного судопроизводства, представляя начальнику заключения по жалобам на приговоры (решения) народных судов для их отмены или утверждения. На эту Комиссию, состоявшую из председателя, трёх членов с высшим специально-юридическим образованием и офицера, закончившего курсы Восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, и привлекаемого для взаимодействия с народными судами, было возложено множество обязанностей как судебного, так и судебно-административного характера (ОЗО за 1892; 1893: 184). Среди обязанностей Комиссии значилось: рассмотрение вопросов по сомнению в законах, территориальной и иерархической подсудности дел, жалоб на медленность в делопроизводстве уездных начальников и приставов, установление правомерности правильности действий этих должностных лиц и лиц местной администрации (старшин, волостных управителей и т. д.). Кроме того, заведующий Комиссией председательствовал на чрезвычайных съездах народного суда, выполнял обязанности по исполнению текущих дел и переписок по судной части, защищал интересы казны в судебных учреждениях (ОЗО за 1909; 1911: 122-124). Вследствие периодического пребывания в крае ревизионных комиссий, требовавших предоставления различных сведений о деятельности народных судов и применяемых ими народных обычаев, председателю, а также другим членам Комиссии приходилось усиленно работать для удовлетворения этих запросов, что в значительной степени усложняло исполнение Комиссией своих прямых обязанностей (ОЗО за 1908; 1910: 118-119).

Уездное управление осуществлялось начальниками уездов, обладавших такими полномочиями как: назначение аульных старшин (с утверждением начальником области); временное отстранение старшин от должности; применение к ним дисциплинарных взысканий; арест должностных лиц общественного управления (до 1 месяца); арест коренных жителей (до 7 дней); наложение на них

<sup>1</sup> Так, например, граф К.К. Пален полагал, что в Туркмении, не имевшей своей государственности, можно было гораздо эффективнее, чем в других областях Туркестана, создать чисто русские формы управления.

<sup>2</sup> В 1892 году последовало преобразование Судного отделения Канцелярии начальника области в особую Комиссию по разбору Судных дел Закаспийской области (ОЗО за 1892; 1893: 184).

штрафов до 20 руб. за неисполнение распоряжений; нарушение общественного спокойствия; оскорбление должностных лиц (ПСЗРИ-3. Т. 23 (1903). Ч. 1. СПб., 1905. № 22765: 358). При этом права уездного начальства на практике были значительно шире. Поскольку в народном суде под председательством начальника уезда или его помощника адат в определённых случаях терял свою силу, особенно в случаях негуманности, несправедливости его отдельных норм, уездное руководство применяло Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, или Свод законов уголовных (ОЗО за 1882–1890, 1890: 35).

После того, как в составе некоторых уездов в силу этнической специфики края были выделены особые административно-территориальные единицы – приставства, *приставы*, как и уездное начальство, были наделены правом налагать взыскания на туркмен в виде ареста на срок до 3 дней включительно и денежного взыскания на сумму не более 5 руб. (ПСЗРИ-3. Т. 23 (1903). Ч. 1. СПб., 1905. № 22765: 358-359).

Уездные начальники и приставы налагали наказания по специальным постановлениям. При этом постановления об аресте приводились в исполнение немедленно после их вынесения. Денежные начисления с оштрафованных лиц поступали на специальный счёт, предназначенный для обустройства мест заключения области (ПСЗРИ-3. Т. 23 (1903). Ч. 1. СПб., 1905. № 22765: 358).

Анализ Обзоров Закаспийской области показал, что специально оборудованных тюрем в крае не было, несмотря на то, что руководство многократно возбуждало ходатайство о выделении средств на постройку благоустроенных специальных тюрем. Необходимость такой постройки признавалась не только Военным министерством, но и Министерством внутренних дел. Однако средства для этого так и не были ассигнованы. После передачи тюремного ведомства в Министерство юстиции, оно также отказало в финансировании средств на постройку тюрем, мотивируя своё решение тем, что область находилась в ведении Военного министерства, на средства которого и должна производиться постройка мест для приговорённых и пересыльных. Данный вопрос не получил должного разрешения и после проведения областной судебной реформы 1894 года. Арестованные в уездных городах и Асхабаде размещались в тесных и ветхих домах из сырцового кирпича или гауптвахтах, откуда нередко совершались побеги. Охрана арестованных осуществлялась военными служащими и, отчасти, вольнонаёмными стражниками (ОЗО за 1896, 1898: 154-155).

Вместе с тем, Обзоры Закаспийской области разных лет свидетельствуют о том, что штрафные суммы по приговорам народных судов использовались русской администрацией по назначению. На территории, где содержались заключённые, возводились из жжённого кирпича стены арестных домов, строились кухни, заборы, отопительные печи (ОЗО за 1903, 1904: 166), производились работы по устройству в камерах вентиляции, прокладки асфальтовых полов и т. д. (ОЗО за 1904, 1905: 161; ОЗО за 1911, 1915: 112).

Сфера влияния поселковых (аульных) *старшин* была значительной, что проявлялось особенно ярко при анализе фактического положения дел касательно структуры административного управления областью. Кроме того, должностные лица данного ранга имели полномочия производить кратковременные задержания лиц, нарушивших установленный общественный порядок. Согласно регламентированным нормам, срок такого ареста мог составлять максимум двое суток. Помимо права временно ограничивать свободу подозреваемых в правонарушениях, старшинам дозволялось применять штрафы к виновным лицам.

Особое значение имело участие старшин в регулировании ключевых аспектов хозяйственной деятельности населения, прежде всего, в сфере сельского хозяйства. Важнейшей сферой их компетенции являлось решение проблем, связанных с распределением водных ресурсов, являвшимся необходимым условием успешного развития поливного земледелия. Эти вопросы представляли собой центральную проблему жизнедеятельности местных сообществ и нередко становились причиной конфликтов между различными этническими группами населения.

Яркий пример подобного спора представлен документальным свидетельством (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4891. Л. 1-2). Из материалов архива известно, что старшина поселения Дарган на реке Атрек в 1884 г. отказал группе из пяти семей туркмен-анавлийцев в доступе к источникам воды. Обоснованием данного решения послужило нежелание местной общины туркмен-текинцев принимать посторонних переселенцев в свою среду проживания, подкреплённое решением общего собрания местного сообщества. Впоследствии конфликт удалось разрешить в пользу туркмен-анавлийцев только посредством специального указания начальника Закаспийской области (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3015. Л. 1-2).

Необходимо отметить, что жалобы на злоупотребления властью старшин со стороны местных жителей были распространённым явлением. Несмотря на поддержку администрацией Закаспийского края всех должностных лиц, контроль за действиями старшин осуществлялся регулярно и систематически.

В отдельных административных единицах (уездах и приставствах) были учреждены специальные должностные лица, именуемые *эминами*. Они выполняли функции фискального характера, связанные со сбором налоговых платежей и иных обязательных сборов. Факты уклонения от налогового бремени и выполнения натуральных обязательств подвергались санкциям

преимущественно административного характера (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10534. Л. 17-18). Распределение налоговой нагрузки среди членов общины осуществлялось на основе родовой ответственности, согласно которой налоговое бремя возлагалось на ближайших родственников тех, кто покинул пределы аула, либо был признан недееспособным ввиду своей материальной несостоятельности (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10534. Л. 17-18).

К аульным старшинам приписывались *аульные джигиты*, выполнявшие вспомогательные обязанности по передаче указаний начальства, мобилизации рабочей силы, розыску лиц, подозреваемых в совершении правонарушений, а также джигиты, осуществлявшие охранные мероприятия. Для документирования актов исполнительской деятельности предусматривалось наличие одного *наставника-муллы* (Материалы..., 1903: 42-50).

Вопросы социально-экономического характера относительно владения земельными наделами и водными ресурсами, приёма новых членов аула и исключения старых, распределения земельных повинностей и общественных обязанностей разрешались *на сходах* местного сообщества. Постановления сходов общины, оформленные письменно, реализовывались исключительно после предварительного одобрения соответствующими административными инстанциями, на основе согласованного применения обычного права туркмен и официальных предписаний закаспийской администрации.

Значимую роль в функционировании местных административных структур играл *институт мирабов*, осуществлявший контроль над распределением воды в зонах орошаемого земледелия, организацию привлечения рабочей силы для выполнения обязательных работ по поддержанию гидротехнических сооружений и дренажно-мелиоративной инфраструктуры. Согласно архивным источникам начала XX века, структура распределения водных ресурсов была организована таким образом, чтобы отдельные родовые группы располагали собственными каналами водоснабжения (арыками) (Материалы..., 1903: 42-50).

С учётом высокой социальной значимостью мирабов в структуре туркменского общества, ими традиционно становились лица с высокими морально-деловыми качествами. Тем не менее, местное население обладало правом контроля над действиями указанных должностных лиц, включая возможность отстранения виновных без согласования с вышестоящими органами власти.

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от декабря 1896 г., «О присвоении арык-аксакалам и мирабам в Туркестанском крае особых должностных знаков» (ПСЗРИ-3. Т. 6 (1896). Ч. 1. СПб., 1899. № 13470: 743) служит свидетельством обязательного ношения специализированной символики должностными лицами оросительной инфраструктуры края при исполнении ими должностных обязанностей. Данная практика распространялась и на другие категории должностных лиц, среди которых были не только эмины, но и народные судьи (см. Рисунок 1, 2)



Рис 1. Должностной знак выборного народного судьи Закаспийской области



Рис 2. Должностной знак аульного эмина Мервский уезд Закаспийской области

**Иерархия судебных органов** была выстроена следующим образом: её основу составляли Народные участковые суды<sup>1</sup>, далее следовал Съезд народных судей уезда (приставства), ещё выше – Чрезвычайный съезд народных судей области. Однако эта структура формировалась постепенно, зачастую непоследовательно, и не везде включала все перечисленные инстанции (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2.

<sup>1</sup> Согласно статьям 192 и 193 проекта Временного положения 1894 года, народные судьи формировались путём избрания каждым аульским обществом двух кандидатов в судьи. Выдвигаться могли лишь заслуженные жители села, пользующиеся уважением среди односельчан, старше тридцати лет и ранее не подвергавшиеся судебному наказанию. Их окончательное утверждение начальником области сроком на три года происходило после рекомендации уездных начальников. Судьёй считался лишь тот, кто реально выполнял функции судьи. После окончания срока службы судья возвращался обратно в родное село и вновь становился кандидатом.

Д. 3795. Л. 93-102). Значительно различался также уровень подчинённости народных судов областному управлению в разных уездах.

*Народный участковый суд* действовал постоянно для того, чтобы оперативно рассматривать поступающие дела. В случаях работы суда в кочевой среде учитывались особенности передвижной жизни кочевников. В таких случаях заседания участкового суда проводились периодически (по сессионному графику). Сменяемый состав судей формировался уездным управлением по очереди. Поводом для возбуждения судебных разбирательств становились жалобы и заявления от пострадавших лиц, истцов, а также инициативы местных властей – волостных и аульных старшин, российских чиновников и других представителей власти.

От физических наказаний освобождались следующие категории лиц: женщины, лица старше сорока лет, обладатели государственных наград и знаков отличия, должностные лица местного самоуправления, представители духовного сословия, военнослужащие Туркменского конного дивизиона, включая младших офицеров, унтер-офицеров и всех, прослуживших не менее четырёх лет.

Если дело касалось уголовного преступления или проступка, когда ущерб составлял более 200 руб., назначалось наказание в виде ареста сроком до одного месяца, денежного штрафа не выше 30 руб., физического воздействия не более 30 ударов плетью. Подобные дела рассматривались непосредственно участковым народным судом и имели статус обязательных решений без права дальнейшего пересмотра или оспаривания в рамках указанной категории дел.

Решения и постановления участкового народного суда, принятые с нарушением полномочий либо по вопросам, неподведомственным данному суду, не исполнялись. Уездные чиновники сообщали о таких случаях областному руководству, которое отменяло приговор и направляло дело обратно с необходимыми рекомендациями для повторного рассмотрения, либо определяло правильное процессуальное движение дела, если оно оказалось неподсудным участковому суду.

На рассмотрение *съездов народных судей* направлялись дела, возникшие вследствие подачи апелляций на ранее вынесенные участковыми судами решения. Данные дела передавались в уездные суды через уездных чиновников, исполнявших роль посредников между местными судебными органами и вышестоящими инстанциями.

Съезд народных судей функционировал исключительно в рамках территории определённого уезда. Члены съезда собирались по инициативе и под непосредственным руководством местных уездных чиновников тогда, когда возникла необходимость в рассмотрении новых апелляционных жалоб либо иных судебных вопросов. Количество членов съезда составляло пять человек, каждый из которых был народным судьёй. Судебное решение признавалось действительным только в случае одновременного участия в заседании не менее трёх народных судей.

Помимо народных судей и представителей русских властей, в местные суды приглашались *казии* или *мулы* для участия в разбирательствах, исходя из положений шариата. Кроме того, они в особых случаях от сторон и свидетелей принимали присягу, оформляли свидетельства о браке и разводе, а также другие юридические документы (ОЗО за 1903; 1904: 206). Ранее туркмены редко прибегали к услугам шариатских судов, однако после присоединения Закаспийской области к Российской империи шариат приобрёл статус официального источника народного волеизъявления (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3795. Л. 96).

Ведению *съездов народных судей*, действовавших на территории каждого уезда, подлежали дела в случае поступления жалоб на неокончательные решения участковых народных судов. Жалобы направлялись в съезды уездными начальниками, которые на них председательствовали (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3795. Л. 96). Решения съездов народных судей признавались окончательными (без права последующего оспаривания) лишь для тех дел, размер исковых требований в которых не превышал 500 руб., либо предусматривалось заключение под стражу продолжительностью до 3 месяцев, либо присуждался штраф в размере не более 100 руб. или назначались телесные меры принуждения числом до 30 ударов плетью. Во всех иных ситуациях разбирательство допускало повторное рассмотрение в высших судебных инстанциях.

Обжалование промежуточных постановлений съездов происходило путём подачи апелляционной жалобы в Комиссию по судной части при канцелярии начальника области, который имел право утверждать, отменять решения или передавать дела на рассмотрение в специальный Чрезвычайный съезд народных судей.

*Чрезвычайные съезды народных судей* созывались начальником области, как правило, от одного до двух раз в год по мере необходимости. Они проходили в Асхабаде, в зале Судебной комиссии и длились от пяти до шести дней. Первый Чрезвычайный съезд был проведён по инициативе начальника области генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина 24 января 1894 года для рассмотрения особо запутанных жалоб жителей края касательно решений местных судебных инстанций. Основной задачей таких собраний было, как правило, разрешение земельных и водных споров, а также разногласий относительно пастбищ, возникавших чаще всего среди представителей одного рода, или внутри отдельных соседних племён (Андреев, 1900: 269). Для коренного населения решение этих вопросов представляло особую важность не только ввиду материальных последствий, но и потому, что затрагивало репутацию семей, кланов, народа в целом.

До начала каждого заседания участники съезда приносили торжественную клятву на Коране, обещая подходить ко всем делам объективно и справедливо. Разбор судебных дел производился посредством сочетания норм традиционного права (адата) и исламского религиозного закона (шариата) в устной форме и публичном порядке. Окончательные решения документировались письменно на туркменском языке, оглашались уполномоченными представителями судебной власти и удостоверялись подписью грамотных либо печатью неграмотных членов суда. После завершения процедуры утверждения начальником области вынесенные решения являлись юридически закреплёнными и исключали возможность дальнейшего пересмотра или апелляции (Ломакин, 1897: 73, 77).

Существенный аспект правовой практики состоял в формировании коллегиального органа, объединявшего делегатов из всех административных единиц региона, – семь лиц туркменской национальности и двух представителей казахского этноса, признанных обществом в качестве знатоков народного быта и традиций. Такой подход обуславливался историческим контекстом функционирования народного правосудия (маслахата), действовавшего по принципу третейского суда, согласно которому каждая сторона конфликта выдвигала своего избранника в качестве судьи, что создавало предпосылки восприятия судебного процесса как объективного (Ломакин, 1897).

Руководящими фигурами на съездах выступали не только должностные лица судебной комиссии администрации Закаспийского края, но также эксперты, владевшие местными диалектами, исполнявшие роль ассистентов председателя. Несмотря на то, что эти лица не имели права голоса при вынесении судебных решений, их рекомендации оказывали влияние на конечный результат при подведении итогов съезда.

С целью повышения уровня профессионализма и объективности работы съезда неоднократно вводились изменения состава его участников. Так, в частности, в Мангышлакском округе, отличавшемся полиэтничностью и включавшим представителей как казахских, так и туркменских этнических групп, администрацией была предпринята инициатива по реформированию состава судебного органа с учётом равноправного представительства данных народов. Такой подход обеспечил гармонизацию правоприменительной практики и способствовал повышению степени легитимации судебных актов в глазах коренного населения посредством учёта традиционных норм и устоев каждой национальной общности данного региона.

Решения и приговоры Чрезвычайных съездов вступали в силу после утверждения их начальником области. В целом, при таком устройстве съезда случаи нарушений с его стороны пределов допустимых полномочий были достаточно редкими, а потому и возложение на прокурорский надзор обязанности следить за делами съезда, по выражению автора XIX главы «Судная часть» Обзора Закаспийской области за 1902 г., стало «излишним обременением» (ОЗО за 1902, 1903: 120).

Минимизации ошибок со стороны народного суда способствовали сбор и обобщение обычаев коренного населения для предоставления народным судам «руководящих начал», имевших обязательную юридическую силу, к которым судьи могли бы обращаться в затруднительных случаях «при решении разного рода дел». Таким руководством или «писанным кодексом» для народных судей стали Сборники процессов и решений Чрезвычайного съезда народных судей, составляемые Комиссией по судной части (ОЗО за 1902, 1903: 121). Для этого еще в 1894 г. были разработаны и отлитографированы программы, разосланы начальникам уездов, приставам, старшинам аулов с просьбой дать ответы на программные вопросы (ОЗО за 1903, 1904: 207). Важность составления «письменного кодекса» объяснялась и тем обстоятельством, что именно начальник области являлся «высшею и окончательною властью по делам, разрешаемым народными судами» (ОЗО за 1903, 1904: 208).

Анализ этих сборников приводит к выводу, что к числу преступлений против порядка управления в Закаспийской области были отнесены: *неявка в суд, неисполнение судебных решений, ложное обвинение, ложное показание в суде* независимо от того, что эти действия, как и в имперском законодательстве, были совершены малоимущими или богатыми членами общества. Об этом имеется упоминание в одном из постановлений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области от 20 января 1894 г.: «За клевету съезд полагал бы наказывать применительно к Русскому Уложению». Обращение Съезда к Русскому Уложению не только в этом, но и других случаях вело к сближению судопроизводства Закаспийской области с «внутренними» губерниями Российской империи, способствовало официальному признанию территории расселения туркмен частью многонациональной страны (Хайтглиев, 1986: 188-196).

Дальнейшее исследование деятельности Чрезвычайных съездов народных судов показывает, что виновники ложного обвинения подвергались денежному штрафу, аресту от нескольких недель до нескольких месяцев (Сборник решений..., 1910b. Ч. 2: 18-20; Сборник решений..., 1910c. Ч. 2: 31-33), а иногда даже ссылке, как правило, на полуостров Мангышлак.

В практике народного судопроизводства Закаспийского края встречались следующие виды ложного показания: ложная присяга (ложная клятва); лжесвидетельство, несвязанное с присягой. В противодействии ложным показаниям использовалась сила мусульманской веры и святых мест. Для этого в народных массах на основе предписаний Корана насаждалось чувство страха к ложной присяге, вера в её трагические последствия для тех, кто к ней прибегнул, неминуемая смерть, а то и гибель всего рода.

Характеризуя отношение туркмен к присяге, вообще, А. Хайтлиев и другие авторы писали, что, принятие даже правильной присяги, когда имелся иной способ обойтись без неё, считалось грехопадением и ложилось пятном на туркмена, решившегося присягнуть правдиво. Принятие же ложной присяги составляло величайший грех, за который не было прощения в будущей жизни, и за которым должна была последовать неминуемая кара, притом не только для самого клятвонарушителя или его рода, но и «для всех присутствующих при этом акте» (Ломакин, 1897: 80-87; Андреев, 1900: 270; Хайтлиев, 1986: 189-190).

В реальной жизни наказаниями для клятвоступника служили общественное презрение, лишение в дальнейшем права на присягу и свидетельские показания. По сведениям А. Ломакина, туркмены таких людей подвергали ostracismu, т.е. изгоняли навсегда из своего общества (Ломакин, 1897: 80). Приведённые факты свидетельствуют не только о наказуемости ложной присяги, но и о том, насколько глубоко укоренилась в сознании туркмен боязнь божьего наказания за лжеприсягу. В силу этих причин в практике народного судопроизводства принятие ложной присяги было экстраординарным явлением.

После образования Закаспийской области не только лжеприсягатели, но и лжесвидетели стали наказываться в судебном порядке. Признав введение в заблуждение суда уголовно-наказуемым деянием, Чрезвычайный съезд народных судей в январе 1894 г. предписал: несмотря на то, что за лжесвидетельство по адату наказание не установлено, съезд полагает, что за это преступление следует наказывать применительно Русскому Уложению». Однако анализ практики народного правосудия у туркмен приводит к выводу, что за лжесвидетельство без присяги судами применялись арест на срок от одной недели до нескольких месяцев и штраф в качестве покрытия судебных издержек (Сборник решений..., 1910. Ч. 2: 31-33).

Народные суды многократно сталкивались и с такими случаями, как уклонения от явки в суд ответчиков. Такие лица, как правило, совершали бегство не только в малодоступные места каракумской пустыни, но и соседние государства – Афганистан, Иран. Все это нарушало нормальное функционирование народных судов, вызывало недовольство со стороны истцов и их родственников. Согласно решению Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области в таких случаях подобных лиц штрафовали на сумму, равную 5 руб., а в случае неявки по второму вызову рассматривали дело заочно. Несколько позже решения съезда о наложении штрафа за неявку и заочные решения (приговоры) стали утверждаться начальником области (Ломакин, 1897: 71-72).

Бессрочные аресты особенно часто выносились судами в отношении лиц, совершивших кражу и не возместивших причинённый потерпевшему ущерб в назначенный срок. Таких осуждённых и после отбытия ими наказания содержали под стражей вплоть до полной уплаты долга (Сборник решений..., 1903. Ч. 2: 127-129, 147-148).

Неисполнение судебных решений по бракоразводным делам грозило виновнику штрафом, арестом или другими тяжкими материальными последствиями. Такие наказания чаще всего назначались по делам, касающимся выкупа невесты (калыма). Определив размер калыма, суды обычно устанавливали также сроки его уплаты. В случае неисполнения этого решения суды обязывали мужей-ответчиков дать жене развод (Сборник решений..., 1910. Ч. 1. С. 7-8, 11-12).

Таким образом, посредством наказаний виновников неисполнения судебных решений по бракоразводным делам в Закаспии укреплялись основы патриархально-семейных отношений. Более того, такая практика складывалась с ведома и одобрения областной русской администрации вплоть до туркестанского руководства, пытавшегося также укрепить авторитет и престиж народных судов. Опираясь на эти соображения, русские власти не только поддерживали позиции народных судов, но и строго наказывала лиц, злостно уклонявшихся от исполнения судебных решений.

## 5. Заключение

Благодаря продуктивным и последовательным методам руководства новыми подданными, решению задач по созданию оптимальной административно-территориальной, экономически целесообразной, гибкой системы российских учреждений, выработке правовых норм и традиций во взаимодействии и сотрудничестве с коренным населением, система управления в Закаспийском крае проявила наибольшую жизнеспособность. Администрация области, будучи весьма осторожной в вопросе введения российских институтов, смогла наладить механизмы политико-правовой стабильности, опираясь на: 1) твёрдость в централизации вертикали власти на основе подчинения всех отраслей и ведомств распоряжениям начальника области; 2) допуск в состав уездных и приставских управлений коренных жителей края; 3) совместное применение отдельных норм российского, обычного и мусульманского права в жизнедеятельности туркменского этноса, в том числе, в народных судах, приспособленных к условиям межплеменного и внутриплеменного взаимодействия; 4) органический синтез административного опыта российских властей и населения региона. При этом главной особенностью деятельности администрации края и центрального правительства стало сохранение, прежде всего, гражданско-правовых, семейно-правовых, шариатских устоев коренного населения за исключением отдельных норм обычного уголовного права туркмен.

Без такого подхода и принимая во внимание обширные, пустынные территории края, многосложные по различным отраслям управления задачи, социокультурные различия с местным

населением, крайне немногочисленная по своему составу русская администрация не смогла бы установить правовой режим в Закаспийской области и успешно противодействовать нарушениям против порядка управления.

### Литература

- Андреев, 1900** – Андреев А.П. Туркменский суд // *Исторический Вестник*. Август. 1900. *Историко-литературный журнал*. СПб: Типография А. С. Суворина. 1900. С. 268-273.
- Белоглазов, 2011** – Белоглазов А.В. Формирование политики России в Центральной Азии. Казань: Казан. ун-т, 2011. 358 с
- Волков, 2014** – Волков И.В. Военно-стратегическое управление в царской России: региональный аспект (1865–1917 гг.) // *Власть*. 2014. № 4. С. 162-166.
- Галузо, 1929** – Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929. 162 с.
- Гирс, 1886** – Гирс Ф.К. Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край, Тайного Советника Гирса. СПб, б. г. [1883–1886]. 465 с.
- Глушченко, 2010** – Глушченко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. Серия: «Россия забытая и неизвестная». М.: Центрполиграф, 2010. 576 с
- Караш хан оглы, 1914** – Караш хан оглы. Местный суд в Закаспийской области: Народный суд: историко-критический очерк: Финляндия, 1914 год, 1922. 58 с.
- Котюкова, 2016** – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2016. 391 с.
- Ломакин, 1897** – Ломакин А. Обычное право туркмен. (Адат). Репринт с издания 1897 г. ЕЕ Медиа, 2015. 90 с.
- Марков, 2010** – Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. Изд. 2-е, испр. М.: КРАСАНД, 2010. 320 с.
- Маслов, 1887** – Маслов А.Н. Завоевание Ахал-теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева. Материалы для топографии и характеристики Скобелева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 207 с.
- Материалы..., 1903** – Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта Д.И. Суботича. Асхабад: паровая тип. газ. «Асхабад», 1903. 192 с.
- Михайлов, 1900** – Михайлов Ф.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк / сост. кап. Ф. А. Михайлов. Асхабад: Паровая тип. К.М. Федорова, 1900. 79 с.
- Национальные истории..., 1999** – Национальные истории в советском и постсоветском государствах [Сб.] / Фонд Фридриха Науманна и др.; Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, Предисл. Ф. Бомсдорфа. Москва: «АИРО-XX», 1999. 445 с.
- ОЗО за 1882–1890, 1890** – Обзор Закаспийской области за 1882-1890 годы. Асхабад, 1890.
- ОЗО за 1892, 1893** – Обзор Закаспийской области за 1892 год. Асхабад, 1893.
- ОЗО за 1902, 1903** – Обзор Закаспийской области за 1902 год. Асхабад, 1903.
- ОЗО за 1903, 1904** – Обзор Закаспийской области за 1903 год. Асхабад, 1904.
- ОЗО за 1908, 1910** – Обзор Закаспийской области за 1908 год. Асхабад, 1910.
- ОЗО за 1912–1914, 1916** – Обзор Закаспийской области за 1912–1914 годы. Асхабад, 1916.
- Пален, 1909** – Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. [Т. 4.] Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909;
- Пален, 1910** – Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. [Т. 13.] Правовой быт туземного населения. СПб., 1910.
- ПСЗРИ-3** – Полное собрание законов Российской империи (третье собрание).
- Сборник решений..., 1903** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1898 по 1902 гг. Ч. 2. Асхабад, 1903.
- Сборник решений..., 1910** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1904 г. Асхабад, 1910.
- Сборник решений..., 1910a** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1906 г. Асхабад, 1910.
- Сборник решений..., 1910b** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1907 г. Асхабад, 1910.
- Сборник решений..., 1910c** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1908 г. Асхабад, 1910.
- Федоров, 1901** – Федоров К.М. Закаспийская область. Издание К.М. Федорова. Асхабад: Паровая типография К.М. Федорова, 1901. 312 с.
- Хайтлиев, 1986** – Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен. Под ред. П. Ф. Повелицыной; АН ТССР. Ашхабад: Ылым, 1986. 234 с.
- ЦГАТ** – Центральный государственный архив Туркменистана.
- Шарова, 1940** – Шарова П.П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // *Исторические записки*. 1940. № 8. С. 3-36.

[Banuaziz, Weiner, 1994](#) – *Ali Banuaziz and Myron Weiner. The New Geopolitics of Central Asia and its Borderlands.* «I.B. Taurus». London – New York. 1994. 284 p.  
[Kazemzadeh, 2004](#) – *Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia. 1864–1914.* M., 2004. 711 p.

## References

- [Andreev, 1900](#) – *Andreev, A.P.* (1900). Turkmenskij sud [Turkmen court]. *Istoricheskij Vestnik.* Avgust. 1900. Istoriko-literaturnyj zhurnal. SPb: Tipografiya A. S. Suvorina. Pp. 268-273. [in Russian]
- [Banuaziz, Weiner, 1994](#) – *Banuaziz, A., Weiner, M.* (1994). *The New Geopolitics of Central Asia and its Borderlands.* «I.B. Taurus». London – New York. 284 p.
- [Beloglazov, 2011](#) – *Beloglazov, A.V.* (2011). Formirovanie politiki Rossii v Central'noj Azii [Formation of Russia's policy in Central Asia]. *Kazan'*: Kazan. un-t. 358 p. [in Russian]
- [Fedorov, 1901](#) – *Fedorov, K.M.* (1901). Zakaspijskaya oblast' [Transcaspian region]. Izdanie K.M. Fedorova. Askhabad: Parovaya tipografiya K.M. Fedorova. 312 p. [in Russian]
- [Galuzo, 1929](#) – *Galuzo, P.G.* (1929). Turkestan – koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyucii 1917 g.) [Turkestan – a colony (essay on the history of Turkestan from the Russian conquest to the 1917 revolution)]. M., 162 p. [in Russian]
- [Girs, 1886](#) – *Girs, F.K.* (1886). Otchet revizuyushchego po Vysochajshemu poveleniyu Turkestanskij kraj, Tajnogo Sovetnika Girsy [Report of the auditor of the Turkestan region, Privy Councillor Girs]. SPb, b. g., 465 p. [in Russian]
- [Glushchenko, 2010](#) – *Glushchenko, E.A.* (2010). Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquests and transformations]. Seriya: «Rossiya zabytaya i neizvestnaya». M.: Centrpoligraf. 576 p. [in Russian]
- [Hajtliev, 1986](#) – *Hajtliev, A.* (1986). Ugolovnoe obychnoe pravo turkmen [Turkmen customary criminal law]. Pod red. P. F. Povelicynoj; AN TSSR. Ashkhabad: Ylym. 234 p. [in Russian]
- [Karash han ogly, 1914](#) – *Karash han ogly* (1914). Mestnyj sud v Zakaspijskoj oblasti: Narodnyj sud: istoriko-kriticheskij ocherk [Local court in the Transcaspian region: People's Court: a historical and critical essay]: Finlyandiya, 1914 god, 1922. 58 p. [in Russian]
- [Kazemzadeh, 2004](#) – *Kazemzadeh, F.* (2004). *Russia and Britain in Persia. 1864–1914.* M., 711 p.
- [Kotyukova, 2016](#) – *Kotyukova, T.V.* (2016). Okraina na osobom polozhenii. Turkestan v preddverii dramy [A special situation in the periphery. Turkestan on the eve of the drama]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. 391 p. [in Russian]
- [Lomakin, 1897](#) – *Lomakin, A.* (2015). Obychnoe pravo turkmen. (Adat) [Customary law of the turkmens. (Adat)]. Reprint s izdaniya 1897 g. EE Media. 90 p. [in Russian]
- [Markov, 2010](#) – *Markov, G.E.* (2010). Kochevniki Azii. Struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizacii [Nomads of Asia. The Structure of economy and social organization]. Izd. 2-e, ispr. M.: KRASAND. 320 p. [in Russian]
- [Maslov, 1887](#) – *Maslov, A.N.* (1887). Zavoevanie Ahal-teke. Ocherki iz poslednej ekspedicii Skobeleva. Materialy dlya topografii i harakteristiki Skobeleva [The conquest of Akhal-Teke. Essays from Skobelev's last expedition. Materials for topography and characteristics of Skobelev]. SPb.: Tip. A.S. Suvorina. 207 p. [in Russian]
- [Materialy..., 1903](#) – *Materialy po zemle-vodopol'zovaniyu v Zakaspijskoj oblasti, sobrannye i izdannye po prikazaniyu nachal'nika Zakaspijskoj oblasti, general-lejtenanta D.I. Suboticha* [Materials on land and water use in the Transcaspian Region, collected and published by order of the Chief of the Transcaspian Region, Lieutenant General D.I. Subotich]. Askhabad: parovaya tip. gaz. «Askhabad», 1903. 192 p. [in Russian]
- [Mihajlov, 1900](#) – *Mihajlov, F.A.* (1900). Tuzemcy Zakaspijskoj oblasti i ih zhizn'. Etnograficheskij ocherk [The natives of the Transcaspian region and their lives. An ethnographic essay] Sost. kap. F.A. Mihajlov. Askhabad: Parovaya tip. K.M. Fedorova. 79 p. [in Russian]
- [Nacional'nye istorii..., 1999](#) – *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvah* [National histories in the Soviet and post-Soviet states]. [Sb.]. Fond Fridriha Naumanna i dr.; Pod red. K. Ajmermahera, G. Bordyugova, Predisl. F. Bomsdorfa. Moskva: «AIRO-HH», 1999. 445 p [in Russian]
- [OZO za 1882–1890, 1890](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1882-1890 gody* [Overview of the Transcaspian region for 1882–1890]. Askhabad, 1890. [in Russian]
- [OZO za 1892, 1893](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1892 god* [Overview of the Transcaspian region for 1892]. Askhabad, 1893. [in Russian]
- [OZO za 1902, 1903](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1902 god* [Overview of the Transcaspian region for 1902]. Askhabad, 1903. [in Russian]
- [OZO za 1903, 1904](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1903 god* [Overview of the Transcaspian region for 1903]. Askhabad, 1904. [in Russian]
- [OZO za 1908, 1910](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1908 god* [Overview of the Transcaspian Region for 1908]. Askhabad, 1910. [in Russian]
- [OZO za 1912–1914, 1916](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1912-1914 gody* [Overview of the Transcaspian Region for 1912-1914]. Askhabad, 1916. [in Russian]
- [Palen, 1909](#) – *Palen, K.K.* (1909). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja. Narodnye sudy Turkestanskogo kraja [Report on the Audit of the Turkestan Region. People's Courts]. T. 4. SPb. [in Russian]

**Palen, 1910** – *Palen, K.K.* (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja . Pravovoj byt tuzemnogo naseleniya [Report on the Audit of the Turkestan Region. Legal Life of the Indigenous Population]. T. 13. SPb. [in Russian]

**PSZRI-3** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (tret'e sobranie) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (Third Collection)]. [in Russian]

**Sbornik reshenii..., 1903** – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1898 po 1902 gg. [Collection of Decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1898-1902]. Ch. 2. Askhabad, 1903. [in Russian]

**Sbornik reshenii..., 1910** – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1904 g. [Collection of decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1904]. Ch. 1. Askhabad, 1910. [in Russian]

**Sbornik reshenii..., 1910a** – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1906 g. [Collection of decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1906]. Ch. 1. Askhabad, 1910. [in Russian]

**Sbornik reshenii..., 1910b** – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1907 g. [Collection of decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1907]. Ch. 1. Askhabad, 1910. [in Russian]

**Sbornik reshenii..., 1910c** – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1908 g. [Collection of decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1908]. Ch. 1. Askhabad, 1910. [in Russian]

**Sharova, 1940** – *Sharova, P.P.* (1940). Pereselencheskaya politika carizma v Srednej Azii [Tsarist Resettlement Policy in Central Asia]. *Istoricheskie zapiski*. 8: 3-36. [in Russian]

**TsGAT** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arhiv Turkmenistana [Central State Archive of Turkmenistan].

**Volkov, 2014** – *Volkov, I.V.* (2014). Voенно-strategicheskoe upravlenie v carskoj Rossii: regional'nyj aspekt (1865–1917 gg.) [Military-strategic administration in Tsarist Russia: regional aspect (1865–1917)]. *Vlast'*. 4: 162-166. [in Russian]

## Регламентация порядка управления среди коренного населения Закаспийской области Российской империи

Илья Исакович Аминов <sup>a</sup> · \*

<sup>a</sup> Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

**Аннотация.** Анализируются роль и значение организационных мер, предпринятых русской администрацией в обеспечении порядка управления среди коренного населения наиболее молодой из центральноазиатских областей – Закаспийской области Российской империи. Поскольку в рассматриваемый период (1882–1917) преступления против порядка управления признавались, чаще всего, неповиновение закаспийской администрации и преступления против правосудия, автором приводятся многочисленные свидетельства того, что сосредоточение административных и судебных полномочий в руках начальников области, уездов и приставств отвечало в целом менталитету туркмен, способствовало их адаптации к новым реалиям правовой жизни, вело к минимизации подобных нарушений. При этом наряду с изменениями в правилах народного судопроизводства всех инстанций (кодификация народных обычаев в виде сборников решений и процессов Чрезвычайных съездов народных судей, письменное оформление приговоров и решений, ведение при каждом суде книг записей протоколов рассмотренных дел), были и иные нововведения: устанавливалась уголовная ответственность за ложную клятву, лжесвидетельство, клевету, неисполнение судебных решений и другие преступления против правосудия; в правосознание народных судей администрацией области постепенно внедрялось избирательное отношение к отдельным нормам обычного права (адата) в связи с их гуманизацией; вместо «кровной мести», возмездия, саморасправы, самосуда и других адатных правил, применялись арест, тюремное заключение, штраф, ссылка, высылка, что способствовало изменению взгляда туркмен на преступление как на общественно опасное деяние и наказание; утрачивалось значение прежних принципов родовой ответственности и коллективной защиты, им на смену внедрялся принцип индивидуальной ответственности за совершенное преступление, в том числе и против порядка управления.

**Ключевые слова:** Российская империя, Закаспийская область, русская администрация, местная администрация, коренное население, участковый суд, съезд народных судей, Чрезвычайный съезд народных судей, порядок управления, преступления против правосудия.

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [aminovii@mail.ru](mailto:aminovii@mail.ru) (И.И. Аминов)